

С Л О В О,

сказанное воспитанникамъ Красноярской Духовной Семинаріи, духовникомъ Семинаріи, священникомъ Иннокентіемъ Подгорбунскимъ, 31-го марта 1910 года, при послѣднемъ его служеніи въ Семинарскомъ храмѣ.

Настоящее мое служеніе въ этомъ святомъ храмѣ—послѣднее служеніе для Васъ въ силѣ и должности духовника Вашего. Какъ Вамъ извѣстно, я перемѣщенъ на другое мѣсто служенія, посему и считаю себя обязаннымъ сказать—и по принятому обычаю, и по душевному влеченію—нѣсколько словъ...

Прежде всего долженъ я принести чувство глубочайшей признательности общему нашему начальнику, о Ректору, за его отечески заботливое и благожелательное отношеніе ко мнѣ: если жилось мнѣ здѣсь при Семинаріи сравнительно хорошо, удобно и обезпеченно, если со всѣми окружающими были самая лучшія отношенія, то обязанъ я въ этомъ отношеніи весьма многимъ именно о. Ректору—его миролюбивой христіанской настроенности...

Волею Божіей служилъ я во святомъ храмѣ семь болѣе шести лѣтъ... шесть лѣтъ—срокъ, признанный вполне достаточнымъ для прохожденія Вами курса обученія въ семь учебномъ заведеніи и приготовленія къ великому служенію пастырскому. Шесть лѣтъ—и много времени, и быть можетъ—мало, смотря по содержанию жизнедѣятельности каждаго изъ насъ. О себѣ я долженъ сказать, что время это для меня лично прошло незамѣтно: занято было оно всецѣло работою—службою по Семинаріи и Образцовой школѣ.

Прослуживши здѣсь шесть лѣтъ, я былъ свидѣтелемъ жизни и дѣятельности шести выпусковъ воспитанниковъ и самъ, пройдя ту-же самую школу назадъ тому лѣтъ двадцать съ лишкомъ, я могу въ настоящій, послѣдній мой часъ служенія у Васъ, подѣлиться съ Вами въ необходимомъ направленіи нѣкоторыми полученными мною впечатлѣніями.

Печальное и, можно сказать, роковое значеніе имѣетъ общій для насъ фактъ житейской разсѣянности: не дорожимъ мы временемъ и не умѣемъ имъ пользоваться. Для большинства изъ насъ идутъ дни за днями, мелькаютъ, какъ спицы въ вертящемся колесѣ. Ничто мы такъ не тратимъ безцѣльно, безжалостно и неразумно, какъ время. Много, много драгоценнаго времени пропадаетъ у насъ совершенно даромъ! Мы губимъ время на разные пустяки и не минутами только, а днями, недѣлями и даже цѣлыми годами. При этомъ, какъ часто жалуемся на недосуги. Нѣтъ у насъ часто времени заняться и прямымъ своимъ дѣломъ, нѣтъ времени терпѣливо посѣщать богослуженія, нѣтъ времени подумать серьезно о своемъ назначеніи въ земной жизни и особенно въ жизни будущей, загробной... Даже необходимую, обязательную, срочную работу—мы откладываемъ на завтра, а между прочимъ время идетъ и насъ не ждетъ: настоящій день незамѣтно превращается во вчерашній, завтрашній день превратится въ сегодняшній и годъ настоящій — въ прошедшій. И скажу словами св. Апостола: „Итакъ, смотрите, поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы“... (Ефес. V; 15 — 16)

Особенно дорожите настоящимъ дорогимъ для Васъ временемъ ученія—временемъ приобрѣтенія необходимыхъ запасовъ познаній, когда слагается въ душахъ Вашихъ и духовно-нравственный образъ того высшаго званія, къ которому Васъ готовятъ и всѣ окружающія здѣсь условія Вашего быта и самая жизнь Ваша въ стѣнахъ заведенія. О высотѣ-же призванія пастырства, къ коему Вы готовитесь, о лучшихъ способахъ достиженія наилучшихъ результатовъ

по пути шествія къ этому высшему званію, — я не говорю, потому что все это Вамъ извѣстно изъ устъ Вашихъ компетентнѣйшихъ руководителей.

Я считаю необходимымъ сказать нѣчто о внѣшнихъ условіяхъ Вашей жизни; о томъ, что условія вашей внѣшней жизни нынѣ обстоятъ въ благопріятномъ для Васъ положеніи. Свидѣтельствую по совѣсти и, конечно, для пользы дальнѣйшей жизни многихъ изъ Васъ. Я не буду сравнивать положеніе воспитанниковъ семинаріи въ наше время съ настоящимъ. Разница громадная и... не въ пользу нашего прежняго времени. Одинъ изъ бывшихъ преподавателей нашей семинаріи, присматриваясь къ жизни нашей семинаріи, говорилъ бывало: „Вы живете здѣсь подъ благодатію“... Дѣйствительно, это и вѣрно въ нѣкоторомъ отношеніи, разумѣю: гуманное, деликатное, заботливое отношеніе къ нуждамъ учащих-ся, да и служащихъ всѣхъ, начальника семинаріи; вполне справедливое отношеніе его къ проступкамъ и недостаткамъ провинившихся членовъ нашей семьи... Да и вообще отношеніе начальствующихъ и учащихъ къ учащимся — вполне нормальное, справедливое, основанное на чувствахъ законности и общежитейской благожелательности. Это могу я свидѣтельствовать опытомъ (горькимъ) бывшей своей ученической жизни. Относительно условій внѣшней жизни — разумѣю: помѣщеніе, одежду, чистоту, способъ питанія и пр., кромѣ хорошаго сказать ничего не нахожу. Вѣрьте мнѣ: большаго и лучшаго имѣть невозможно, при тѣхъ-же денежныхъ средствахъ, каковыя имѣются, и желать неразумно. Я и самъ послѣдніе два года пользовался пищею съ общаго семинарскаго стола и быть недовольнымъ — не имѣлъ основаній. А объ этомъ, повидимому, маловажномъ фактѣ жизни семинарскаго говорю я сейчасъ потому, что этотъ вопросъ — вопросъ, такъ сказать, желудочный — очень часто служитъ главнымъ рычагомъ для выраженій неудовольствій... Ради этого печальнаго недоразумѣнія многіе губятъ навсегда возможность продолжать свое дальнѣйшее образованіе. Эта утрата уже незамѣнимая. Сейчасъ многіе изъ Васъ не цѣнятъ

это высшее благо, но впоследствии... какъ горько, какъ глубоко всю свою жизнь понесуть бремя поздняго раскаянія... Примѣровъ тысячи. Да лично я самъ, если-бы не житейскія препятствія, и сейчасъ, не смотря на свои 45 лѣтъ, пошелъ бы продолжать ученіе.

Съ искреннею любовію и уваженіемъ къ Вамъ, совѣтую Вамъ дорожить временемъ, употреблять его съ наилучшею пользою... Пусть-же мимо идетъ отъ cadaго изъ Васъ извѣстная пословица: „Что имѣемъ не хранимъ, потерявши — плачемъ“...

А сейчасъ простите меня и лихою не поминайте, простите, кого обидѣлъ, кого вольно или невольно оскорбилъ. Справедливымъ считаю засвидѣтельствовать предъ Богомъ и предъ Вами всѣми, что я самъ лично въ продолженіи всѣхъ шести лѣтъ не имѣлъ случая получать отъ кого либо изъ воспитанниковъ хотя какого-либо неудовольствія или огорченія, лично я не слыхалъ даже какого-либо дурного слова по моему адресу, а посему и уношу отсюда въ душѣ чувство безпредѣльной благодарности и къ воспитанникамъ, и къ сослуживцамъ и могу сказать по совѣсти, что на всю свою остальную жизнь, до гробовой доски, — съ любовію и чувствомъ теплой благожелательности буду я помнить пріютившую меня на время семинарію, буду имѣть и носить въ душѣ образъ совмѣстной, согласной, тихой, какъ-бы обще-семейной семинарской жизни.